2. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

3. Герд А.С. Диалект – Региолект – Просторечие // Русский язык в его функционировании. М., 2000.

4. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. М., 1996.

5. Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

6. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.

7. Урысон Е.В. Еще раз о СВОБОДЕ и ВОЛЕ // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004.

* * *

1. Arhangel'skij oblastnoj slovar'. M.: MGU, 1980–1995. Vyp. 1–9; M.: Nauka, 1999–2016. Vyp. 10–17.

2. Vezhbicka A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov. M., 2001.

3. Gerd A.S. Dialekt – Regiolekt – Prostorechie // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. M., 2000.

4. Koshelev A.D. Referencial'nyj podhod k analizu jazykovyh znachenij // Moskovskij lingvisticheskij al'manah. Spornoe v lingvistike. Vyp. 1. M., 1996.

5. Nefedova E.A. Mnogoznachnost' i sinonimija v dialektnom prostranstve. M., 2008.

6. Shmelev A.D. Russkaja jazykovaja model' mira. M., 2002.

7. Uryson E.V. Eshhe raz o SVOBODE i VOLE // Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura. M., 2004.

Space, freedom, will in folk verbal culture

The article deals with the semantics and collocations of the Russian words space, freedom, will and their derivatives. In the works based on the material of the literary language space and will, in contrast to freedom, are regarded as the notions that reflect the Russian national mentality, as ethnospecific concepts with no correspondence in other languages. In the discourse of dialect bearers the difference between freedom and will in the aspect of their relation to the norm and law is revealed less vividly, which is reflected in synonymy of names in the corresponding meanings, in the absence of differentiation of freedom and will found in the literary language.

Key words: *will, regiolect, law, mentality, concept, norm, space, freedom.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

М.В. ФЛЯГИНА
(Ростов-на-Дону)

ЭНАНТИОСЕМИЯ В ЛЕКСИКЕ ДОНСКИХ ГОВОРОВ

Рассматривается явление энантиосемии на материале диалектной лексики. Среди причин энантиосемии выделяют в том числе способности человеческого мышления полярно оценивать одно и то же явление, определять противоположные признаки одного понятия или объекта. Переходы значений внутри многозначного слова нередко приводят к развитию качественно противоположных семем, как правило, на основе гиперболического интенсивного проявления как положительных качеств, признаков, так и отрицательных. Исследование донских народных географических терминов выявило немалое количество энантионимов.

Ключевые слова: *энантиосемия, энантионимы, лексико-семантическая группа, географический апеллятив, семантический сдвиг.*

Одним из интересных и недостаточно изученных феноменов диалектного языка является энантиосемия. О.С. Ахманова считает, что «энантиосемия» – это «троп, состоящий в употреблении слов в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром)» [1, с. 527]. Ряд иследователей полагают, что энантиосемия – это внутрисловная антонимия, смысловая противопоставленность лексико-семантических вариантов многозначного слова.

Среди причин, вызывающих явление энантиосемии, выделяют в том числе способность человеческого мышления полярно оценивать одно и то же явление, определять противоположные признаки одного понятия или объекта действительности. Г.И. Мансурова предлагает рассматривать энантиосемию «как потенциальный компонент значения» [8, с. 135].

Чаще всего, рассматривая явление энантиосемии, исследователи говорят об эмоционально-оценочной энантиосемии, связанной с противопоставлением различных характеристик одного и того же предмета или явления на основе субъективной оценки. Это явление широко распространено как в литературном языке, так и (в значительно большей степени) в народных говорах (ср. в донских говорах *лихой человек – лихой казак*). Не менее интерес-

© Флягина М.В., 2016

ным представляется процесс развития энантиосемии из многозначности у предметной лексики, особенно терминологического характера. Переходы значений внутри одного многозначного слова нередко приводят к развитию качественно противоположных семем, как правило, на основе гиперболического интенсивного проявления как положительных качеств, признаков, так и отрицательных.

Исследовав народную географическую лексику донских говоров, мы пришли к выводу о том, что будучи частью лексической системы диалекта, одной из его терминологических систем, народная географическая терминология функционирует по тем же законам, что и сам диалект, ей присущи большинство из тех языковых процессов, которые происходят внутри него. Местные географические термины подчиняются во многом тем же правилам, что и единицы конкретной лексики, в отличие от которых термины, несомненно, в меньшей степени подвержены развитию переносно-образных значений и отражению эмоционально-экспрессивной оценки. С другой стороны, в отличие от других типичных терминосистем местные географические термины даже в пределах отдельно взятого говора не всегда однозначны и выражают понятие, выработанное в результате повседневного опыта. Одним из нетипичных для терминосистем явлений является энантиосемия. Исследование донских народных географических терминов неожиданно выявило немалое количество энантионимов, среди них: *верх, верхи, исток, бугор, скель, могила, субоина*.

Термины от корня **vьrx-* и, прежде всего, географическая лексема *верх* неоднократно исследовались в ареально-семасиологическом и этимологическом аспектах. Фиксации этой лексемы и производных от нее встречаются практически на всей территории русских народных говоров. Наиболее обстоятельно проанализировал лексему Н.И. Толстой, назвав ее «орловско-курским географическим термином» [16, с. 101]. В донских, как и в большинстве южнорусских говоров, географическая лексема *верх* в единственном числе употребляется в полярных значениях ‘возвышенность’ и ‘овраг’. Ареальный анализ значений лексемы *верх* в донских говорах показал, что более широкое распространение имеет *верх* со значением ‘общее название возвышенности’, только в отдельных районах верхнедонской диалектной зоны встречается *верх* ‘овраг’. Географическая лексема *верх* унаследована донскими говорами из материнских говоров с сохранением и опорой на исходную сему праславянского **vьrxъ*. В терминологическом значении слово употреблялось еще в древнерусском языке [14, т. I, с. 465]. По мнению Н.И. Толстого [16, с. 102], развитие поляризации у терминов горного ландшафта происходит в том случае, если «осевым» (объединяющим) признаком топообъектов выступает крутизна (так произошло с южнорусскими терминами *верх*[1] ‘возвышенность’ и *верх*[2] ‘овраг’).

В народных говорах *верх* и (чаще) *верхи* известны также в гидрографических значениях. В русском языке *верх* в значении ‘исток реки’ фиксируется с древнерусского периода (др.-рус. *верхъ* ‘верховье’) [14, т. I, с. 466]. В говорах в этом значении чаще употребляется форма множественного числа *верхи:* ср. сарат., самар., сиб., вор. *верхи* ‘исток, верхняя часть реки, верховье’ [СРНГ, с. 4; 6]. В донских говорах *верхи* ‘исток реки’ отмечено в ряде говоров большой излучины Дона: *Там вирхах таит снех, у нащали рики* (Гапк.). В противоположном значении ‘устье реки’ лексема нами зафиксирована в донецких говорах: *Рыбалить лутшы у вирхах, у впадения рики* (В.-Гр.). Возникновение указанных энантионимов является следствием внутрисловных противопоставлений по качественному признаку «начало – конец».

Представляется интересным возникновение энантиосемии у лексемы *исток*. В литературном языке географическая лексема *исто́к* соотносится со значением – ‘место, где начинается водный источник; начало ручья, реки’ [МАС *I*, с. 689]. В говорах наименование многозначно, нередко соотносится с противоположными семемами, ср. у Даля: «начало, верх, исход реки, ручья, место и самые живцы, ключи, составляющие вершину потока; иногда же, наоборот, означает устье реки» [5, т. II, с. 140]. В донских говорах *исто́к*, по нашим наблюдениям, употребляется в трех значениях: ‘начало реки’, ‘устье реки’ и ‘старое русло реки’. Многозначность диалектного географического наименования происходит от многозначности префиксального глагола *истечь (истекать)*, от которого это наименование образовано, ср. в других говорах: ряз., перм., урал., кемер., том., приобск., сиб. *исток* ‘проток, связывающий два озера или озеро с рекою’, арх. *исток* ‘река, берущая начало в озере’, перм., урас., енис. *исток* ‘рукав небольшой реки’, новосиб. *исток* ‘узкое место реки’, том., краснодар. *исток* ‘устье реки’, вор., пенз. *исток* ‘родник, ключ’ [СРНГ *12*, с. 257].

Слово *бугóр* представлено на всей территории русских народных говоров, более того, в МАС оно дано без помет «областное» или «просторечное», т. е. признается составителями единицей литературного языка [МАС *I*, с. 120]. Дефиниция слова представлена синонимами «небольшой холм, горка». Материал донских говоров свидетельствует о том, что семантическая структура общерусского слова, функционирующего в донских диалектах, не равна семантической структуре существительного в литературном языке, она сложнее, многообразнее: *бугрóм* называют не только небольшую возвышенность, но и всякую возвышенность безотносительно ее размеров как оппозицию низменности, а также значительную возвышенность.

Лексема унаследована донскими говорами от материнских говоров, в которых она также используется как в общеродовом, так и в видовых значениях, ср.: вор.‘возвышенность небольших размеров, холм’ и ‘гора’, орл. ‘возвышенность’, ‘холм’, пск. ‘возвышенность’, ‘холм’, ‘кочка’, ряз. ‘небольшой холм, а также ровная местность, сравнительно более или менее высоко расположенная; не низина’ [6; 4; 12, т. 2]. Выступая в донских говорах чаще всего как гипероним, *бугóр*, как было отмечено выше, нередко является названием конкретного географического объекта. Следует подчеркнуть, что, исследуя значения упомянутой лексемы, мы опираемся на субъективное видение окружающего мира диалектоносителями, иными словами, «горами» и «холмами» мы определяем названия тех топообъектов, которые считаются таковыми в понятии говорящего. Поэтому развитие полярных значений ‘большой’– ‘маленький’ в данном случае объясняется субъективным видением топообъектов диалектоносителями.

Лексема *скель* и ее дериваты широко представлены в говорах Дона. Слово *скель* имеет надежную этимологию: Фасмер связывает *скель* с общеславянским географическим термином *скала* [17, т. III, с. 638], который имеет соответствия практически во всех славянских языках, а также в близкородственных (ср. лит. *skeliu*, лтш. *skala, skals,* гот. *skilija*) и, по-видимому, мотивирован значением праиндоевропейского глагола с корнем * *(s)kō/ēl-* ‘разрубать, раскалывать’ [18, т. II, с. 166].

Древнерусская форма апеллятива *скала (скалъва)* зафиксирована Срезневским и датируется XII в. [14, т. III, с. 363], в таком виде слово унаследовано белорусским и украинским языками и известно в русских говорах. Однако в украинских говорах параллельно с формой *скала* активно используется форма *скéля* [9, с. 249], которая, очевидно, и иррадиировала в донские говоры. На Дону лексема *скель* соотносится со следующими значениями: ‘скала’, ‘скалистый берег’, ‘одиночная гора с каменными выступами’, ‘возвышенность, холм’. Как видно, в донских говорах под влиянием украинского языка и в силу некоторых экстралингвистических факторов (географические условия) произошел семантический сдвиг ‘каменная глыба’ → ‘гора’. *Скель*, по-видимому, изначально – ‘выход горных, скальных пород в обрывистом береге’. Это то, что типично для русла Северского Донца и его притоков. Указанное первичное значение послужило основой для развития семемы ‘скалистый берег, утес’ (в результате метонимического переноса). Что касается развития значения ‘гора’ у лексемы *скель*, то оно, вне всякого сомнения, произошло в результате семантического перехода ‘берег’ → ‘гора’, описанного Н.И. Толстым [16, с. 244].

Используется лексема *скель* и для обозначения небольшой возвышенности, холма, в таком значении слово зафиксировано на Нижнем Дону: *Скель? Да эта холмик малинький у стяпи* (Баг.) [БТСДК, с. 487]. В данном случае мы имеем дело с семантическим сдвигом, в результате которого произошел переход названия с объекта большего по величине на объект меньший, такое явление нередко в сфере географической терминологии и связано с активизацией признака величины объекта, следствием которой часто является смена денотата.

Лексикографическими и историко-краеведческими источниками XIX и начала XX в. [2; 14; 11] зафиксировано наименование *могúла* (*могúлка*) со значениями ‘курган’, ‘остроконечный холм’. В словаре В.И. Даля *могила* определяется как «яма для погребенья покойника; место, где он погребен, с насыпью; большая древняя насыпь, курган, где по преданью погребены могутники, богатыри; южн. курган или холм вообще» [5]. В современных говорах известны оба значения – ‘яма’ и ‘холм’. Слово *могила* отмечается памятниками письменности древнерусского языка начиная с X в. [14, т. II, с. 161]. Первоначальным значением лексемы считают ‘холм’ [17, т. II, с. 634]. Таким образом, есть основание полагать, что в донских говорах лексема в географическом значении исконна, унаследована из материнских диалектов, в отличие от которых

на Дону она не только сохранялась долгое время, вплоть до конца XIX в. (в настоящее время зафиксирована лишь в отдельных говорах Суровикинского района Волгоградской области), но и употреблялась в первичном значении. На сегодняшний день лексема *могúла* ‘курган’ фиксируется в некоторых русских кубанских говорах, куда она, вероятнее всего, перешла из украинских диалектов (ср. укр. *могила* ‘искусственное земляное возвышение, курган’, ‘возвышенность (в общем значении)’, ‘куча’ [9, с. 236]).

Семантический переход по линии «верх – низ», порождающий явление энантиосемии, – довольно распространенное явление в сфере народной географической терминологии. Ещё одним примером явления может служить лексема *субоина*. Эта лексема в донских говорах соотносится с тремя значениями: ‘сугроб’, ‘впадина между сугробами’, ‘выбоина на дороге’ [БТСДК, с. 517]. У Даля *субóина* дана без географических помет как синоним тульского *сувой* ‘сугроб’ [5, т. IV, с. 611]. Этимологизация термина *субóина* ‘выбоина на дороге’ может быть двоякой. Не исключено, что значение ‘выбоина на дороге’ могло возникнуть в результате сложного семантического сдвига: ‘сугроб’ → ‘совокупность сугробов’→ ‘заснеженная, в сугробах, дорога’→ ‘ухабистая дорога’ → ‘ухаб (выбоина)’. Однако развитие значения ‘выбоина на дороге’ у лексемы может быть и не связанным с эволюцией «сугробного» значения. Диалектные приставки, как известно, многозначны. В сочетании с именной основой они проявляют большее число значений в народных говорах по сравнению с теми значениями, которые отмечают грамматики современного русского литературного языка. В составе слова *субóина* префикс служит обозначением результата действия, названного мотивирующим глаголом. Ср. у Даля: «Сбоёк, сбойки, арх. сугробы, суметы, ухабы, шибки» [5, т. IV, с. 42].

Совершенно очевидно, что энантиосемия в говорах образуется на базе полисемии, широкой семантической амплитуды диалектных слов, характеризует интенсивность какого-либо признака предмета или явления, актуализируемого в сознании диалектоносителей: качественного, временного или пространственного. Энантиосемия демонстрирует противоречивость человеческого мышления и представляет широкие возможности для народного словотворчества.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918.
3. БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Фак. филологии и журналистики: М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2003.
4. Бурко Н.В. Орографическая лексика в орловских говорах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 1998.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб.; М., 1912–1914. Т. I–IV.
6. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики воронежского края (с историческими комментариями) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1984. С. 100–118.
7. Лаврентьева Н. Б. Энантиосемия как результат метафоризации // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров: сб. / Краснояр. гос. пед. ин-т. М., 1978. С. 104–110.
8. Мансурова Г. И. Энантиосемия в формировании оценочной семантики прилагательных // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 1. С. 135–136.
9. Марусенко Т.А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М.: Наука, 1968. С. 206–255.
10. МАС – Словарь русского языка / под ред. А.Г.Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. I–IV.
11. Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.
12. Псковский областной словарь с историческими данными. Л. (СПб.), 1973–2008.
13. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–46. М.–Л.: Наука, 1965–2013.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: ГИС, 1958. Т. 1–3.
15. Сухоруков В.Д. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–32 гг. Новочеркасск, 1891.
16. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М. : Наука, 1969.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986–1987.
18. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т./ 3-е изд. М., 1999.

* * *

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969.

2. Bogachev V. Ocherki geografii Vsevelikogo Vojska Donskogo. Novocherkassk, 1918.

3. BTSDK – Bol'shoj tolkovyj slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18000 slov i ustojchiv. slovosochetanij / Rostov. gos. un-t; Fak. filologii i zhurnalistiki. M.: Rus. slovari: Astrel': AST, 2003.

4. Burko N.V. Orograficheskaja leksika v orlovskih govorah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Orel, 1998.

5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. 4-e izd. SPb.; M., 1912–1914. T. I–IV.

6. D'jakova V.I., Hitrova V.I. Slovar' geograficheskoj leksiki voronezhskogo kraja (s istoricheskimi kommentarijami) // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju. Voronezh: Voronezh. un-t, 1984. S. 100–118.

7. Lavrent'eva N. B. Jenantiosemija kak rezul'tat metaforizacii // Problemy grammatiki, slovoobrazovanija i leksiki sibirskih govorov: sb. / Krasnojar. gos. ped. in-t. M., 1978. S. 104–110.

8. Mansurova G. I. Jenantiosemija v formirovanii ocenochnoj semantiki prilagatel'nyh // Bodujenovskie chtenija: Bodujen de Kurtenje i sovremennaja lingvistika: Mezhdunar. nauch. konf. (Kazan', 11–13 dek. 2001 g.): v 2 t. / pod obshh. red. K. R. Galiullina, G. A. Nikolaeva. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2001. T. 1. S. 135–136.

9. Marusenko T.A. Materialy k slovarju ukrainskih geograficheskih apelljativov (nazvanija rel'efov) // Poles'e. M.: Nauka, 1968. S. 206–255.

10. MAS – Slovar' russkogo jazyka / pod red. A.G.Evgen'evoj. 2-e izd. M.: Russkij jazyk, 1981–1984. T. I–IV.

11. Mirtov A.V. Donskoj slovar'. Materialy k izucheniju leksiki donskih kazakov. Rostov n/D., 1929.

12. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. L. (SPb.), 1973–2008.

13. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–46. M.-L.: Nauka, 1965–2013.

14. Sreznevskij I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka. M.: GIS, 1958. T. 1–3.

15. Suhorukov V.D. Statisticheskoe opisanie zemli donskih kazakov, sostavlennoe v 1822–32 gg. Novocherkassk, 1891.

16. Tolstoj N.I. Slavjanskaja geograficheskaja terminologija. Semasiologicheskie jetjudy. M. : Nauka, 1969.

17. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M., 1986–1987.

18. Chernyh P.Ja. Istoriko-jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 2 t./ 3-e izd. M., 1999.

Enantiosemy in vocabulary of Don dialects

The article deals with the phenomenon of enantiosemy based on the dialect vocabulary. One of the reasons for enantiosemy is the ability for polar evaluation of one and the same phenomenon, finding out the opposite signs of the same notion or the object of reality. The varieties of meanings of one polysemantic word lead to development of opposite sememes, as a rule, based on hyperbolic intensive display of both positive and negative features. The research of Don folk geographic terms revealed a big number of enantionyms.

Key words: *enantiosemy, enantionym, lexical and semantic group, geographic appellative, semantic shift.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Т.К. ХОВРИНА
(Ярославль)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО С КОРНЕМ *ГЛУХ-* В ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРАХ

Рассматриваются слова, входящие в лексическое гнездо с корнем глух-, отмеченные в ярославских говорах русского языка. В деривационных образованиях с корнем глух-/глуш- ярко проявляются словообразовательная синонимия и вариативность, характерные как для ярославских, так и для других, прежде всего севернорусских, говоров.

Ключевые слова: *словообразовательное гнездо, деривация, синонимия, вариативность, ярославские говоры.*

Прилагательное *глухой* имеет общеславянское распространение. В ярославских говорах оно является вершиной большого словообразовательного гнезда. Обратимся к материалам «Ярославского областного словаря» (ЯОС), изданным к нему в 2015 г. «Дополнениям» и рассмотрим составляющие это гнездо лексемы. Следует отметить, что именно в «Дополнениях» к ЯОС наиболее полно представлен этот лексический пласт. За последние два десятилетия особенно пополнилась карто-

© Ховрина Т.К., 2016